

«говорить по-арабски» [Гагаузско-русско-молдавский... 1973: 52]. Несомненно, эти украшения имели глубокий смысл и указывали на общность этого народа, на его единство, на то, что его отличало от других и объединяло со своими — язык. Необычную форму этих украшений мы обнаруживаем и на традиционных коврах. Исследователи сравнивают их с гребнями для забивки плотности ковра или с колосками. Нам же хотелось отметить более глубокое значение украшений на детском головном уборе — как этническим знаке, знаке принадлежности ребенка к локальной общности, как средстве магической защиты, продуцирующем и развивающем те или другие способности ребенка.

Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.

Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев, 1980.

Мазалова Н.Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001.

Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов XIX — начала XX в. Кишинев, 1988.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // ЭО. 1900–1902.

Решетов А.М. О письмах В.А. Мошкова к академику В.В. Радлову. А.В. Мошков как ученый (К 150-летию со дня рождения) // Rocznik Orien Tylistyczny. 2003. Т. LV, Z. 1.

Решетов А.М. В.В. Радлов — директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999.

Л.Р. Павлинская

ОБОО В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНЫХ САЯН: ЖИЗНЬ ТРАДИЦИИ ВО ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН

Обоо является одним из самых распространенных культовых сооружений на территории Центральной Азии, а также Бурятии и Тувы. Слово обоо (бурят. *обоо*, тувин. *оваа*, монгол. *овоо*, тибет. *лабцзе*) означает каменную насыпь, которая символизировала священное местопребывания духа-хозяина конкретного места или духов-хозяев определенной территории. По мнению большинства ученых, обоо восходит к древнейшим представлениям о Вселенной, воплощенной в образе Мировой Горы, и связано с развитием в традиционных культурах Центральной Азии и Южной Сибири культа гор, вошедшего позднее в религиозную систему ламаизма и занявшего в нем особое место [Кагаров 1927; Дьяконова 1975; Жуковская 1977; Абаева 1992; Алоева 1999; Павлинская 2002].

Обоо устанавливаются как на вершинах холмов, возвышающихся в степях и горных долинах, так и на горных перевалах, в наиболее опасных местах, а также на дорогах, у истоков рек и источников. По своей структуре эти культовые сооружения имеют достаточно существенные различия. На перевалах, тропах, у истоков обычно сооружались одиночные насыпи, символизировавшие пребывание духа-хозяина конкретного места, в котором люди бывают периодически. Обоо, посвященные «хозяевам» значительных территорий, где люди живут постоянно, представляют собой достаточно сложные комплексы. В степных просторах Бурятии чаще всего они состоят из 12 невысоких конических каменных насыпей, образующих круг, в центре которого возвышается более высокая насыпь с укрепленным в ее центре высоким деревянным шестом, завершающимся изображением птицы. Эти насыпи символизируют самые высокие горы региона и их духов-хозяев, покровителей всей Бурятии, а центральная, самая большая, олицетворяет мифическую гору Сумбэр [Абаева 1992: 73]. Здесь же существуют и обоо в виде субургана (каменной ступы), появившиеся в традиционной культуре бурят под влиянием ламаизма.

Несколько иначе выглядят обоо Окинского района Бурятии, расположенного в Восточных Саянах. В настоящее время здесь проживают два народа: буряты, обосновавшиеся в Восточных Саянах в конце XVII–XVIII вв., и сойоты, являющиеся потомками древнего самодийского населения края [Павлинская 2002]. Традиционным занятием бурят всегда являлось скотоводство, сойоты в большинстве своем были оленеводами, хотя в отдельный районах занимались и скотоводством. Сойоты были шаманистами, буряты в течение XVII–XIX вв. приняли ламаизм. Однако на протяжении более трех веков Саяны объединяли эти народы, содействовали взаимовлиянию двух культур, в результате которого возникла новая гармоничная форма, логично сочетающая в себе начала той и другой и во многом отличающаяся от культуры бурят степных районов. По всей видимости, именно это обстоятельство явилось причиной своеобразного характера местного культового комплекса обоо.

Обоо в Окинском районе установлены на вершинах невысоких гор, включенных в хозяйственно освоенное пространство. Их важной составляющей, как в степных районах, является круг, но образован он 13-ю каменными насыпями (высотой около 50 см). В его центре установлен деревянный сруб, в который вставлен высокий шест, завершающийся деревянной фигуркой птицы или духа-хозяина данной местности. За пределами круга по сторонам света сооружены четыре жертвенника, сложенные из плоских камней (высотой около 80 см). С внешней стороны нижние венцы сруба

обложены камнями, которые скрадывают углы сруба, образуя каменное основание почти круглой формы. Внутри сруба всегда находится невысокий деревянный престол шэрээ, на котором размещены культовые ламаистские предметы: иконы (таки), молитвенники, утварь. Такова в общих чертах традиционная структура окинских обоо, хотя каждое из них имеет особенности. Так, сруб обоо в местности Талан-туруу снаружи плотно обложен тонкими лиственницами, что придают ему вид большого конического чума.

Основной символизм архитектоники обоо Окинского района читается достаточно четко. Четыре каменных жертвенника, расположенные по линиям юг/север и запад/восток, обозначают важнейшие пространственные векторы Вселенной, а также олицетворяют местопребывания четырех главных божественных «хозяев» Восточных Саян: Ундэр-мурэн-хаан (Господин высоких верховьев рек) — южной стороны, Шойжон-хужар (Хранитель солончаков) — западной стороны, Алтан-ноен-баабай (Золотой князь-отец) — северной стороны и Улан-зала-мэргэн-дэгэ (С красной кистью меткий стрелок) — восточной стороны. Эти жертвенники как бы окрамляют сакральное пространство Космоса, утверждая, по выражению В.Н. Топорова, устойчивость и статическую целостность мира. В образованный четырьмя жертвенниками квадрат вписывается другая символическая фигура — круг, созданный тринадцатью коническими каменными насыпями, символизирующими тринадцать горных вершин Восточных Саян и тринадцать верховных «хозяев» Окинского края — Ахын арбан гурбан улан хада (Тринадцать старших горных властителей). Эти две геометрические фигуры, включенные одна в другую, создают идеальный, выраженный графическим кодом символический образ Вселенной. Здесь квадрат воплощает ее горизонтальную структуру, в которой сакральный центр находится на пересечении диагоналей, а круг — вертикальную, включая концентрические сферы всех трех ее миров, расположенных на линии Мировой Оси, проходящей через единый сакральный центр. Весь этот символический образ повторяется в деревянном срубе, расположенном в центре квадрата и круга, который концентрирует в себе все сакральные космологические смыслы и стягивает их к основной вертикали архитектурной композиции — длинному шесту, увенчанному фигурой птицы и олицетворяющему и Мировое Древо, и Мировую Ось. Однако, несмотря на общий космический символизм данных культовых сооружений, каждое из них посвящено главному духу-покровителю той территории, на которой оно установлено.

Сам праздник, проводимый на обоо и называемый обоо-тахилха (жертвоприношение обоо), совершался в конце июня всеми жителями той местности, которая в символической структу-

ре всего пространства района принадлежала данному культовому комплексу. Обоо-тахилха относится к категории календарных праздников. В представлении современных жителей района он завершает осенне-зимний сезон и открывает весенне-летний, что связано с перекочевкой на летние пастбища. Его целью было испрашивание у «хозяев» гор благополучия: здоровья, хорошего травостоя, избавления от болезней и эпизоотий, хорошего приплода скота и т.п. Символический «рисунок» ритуала включал весь комплекс обрядовых действий, направленных на обновление мира, его новое обустройство, поддержание созидательных космических сил и, в частности, живительной силы солнца.

Обоо-тахилха был запрещен в начале 1930-х и возродился только в середине 1990-х гг. Прерывание традиции и общая антирелигиозная направленность на протяжении почти 70 лет не только внесли серьезные изменения в ритуальный контекст праздника, но и в отдельных случаях привели к существенным преобразованиям в культовом комплексе обоо, разрушили цельность его символического образа. Определенную роль в этом сыграл и бурно развивающийся в Бурятии в последние годы ламаизм, стремящийся вобрать в себя сохранившиеся еще традиционные народные верования. В Окинском районе эти тенденции наиболее ярко отразились в реконструкции одного из главных обоо, расположенного на горе Хаан-уула в долине устья р. Сэнсын-гол, притока Оки, главной водной артерии края. До конца 1990-х гг. оно представляло собой классический вариант окинских культовых сооружений, однако в начале XXI в. претерпело значительные изменения. Прежде всего, весь комплекс был обнесен деревянной оградой, которая «вырвала» его из некогда обширного сакрального пространства. Старый сруб был заменен новым, значительно большим по размеру, но в то же время на двери, закрывающей вход, был прикреплен висячий замок, что придало культовому сооружению характер амбара. Более того, перед традиционным срубом выстроен значительно превышающий его по размерам ламаистский храм (дуган), который фактически стал доминантой всего культового комплекса. Справа от дугана был установлен субурган, что еще более усилило звучание ламаизма и внесло в культовый комплекс чуждую ему образность. Но самым значительным изменением подверглась графическая композиция обоо. Все тринадцать насыпей были перенесены за сруб, образовав полукруг, тем самым был разрушен один из самых важных сакральных смыслов традиционного для Восточных Саян культового комплекса.

Таким образом, одно из самых почитаемых в Окинском районе обоо Хаан-уула превратилось в некое эклектичное сооружение, которое в полной мере отражает состояние религиозного созна-

ния значительной части людей в эпоху глобальных перемен, когда, вырвавшись на свободу из жестких рамок атеизма, оно фанатично стремится найти опору в самых различных мировоззренческих идеях, относящихся к разноплановым и разностадиальным религиозным системам.

Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М., 1992.

Алоева Н.Г. Культ обо и культ горы как проявление общего и особенного в религии народов Центральной Азии // Этнос, ландшафт, культура: Материалы конференции. СПб., 1999. С. 36–40.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.

Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.

Кагаров Е.Г. Монгольские обо и их этнографические параллели // Сб. МАЭ. Пг., 1927. № 6. С. 115–125.

Павлинская Л.Р. Кочевники голубых гор. Судьба традиционной культуры народов Восточных Саян в контексте взаимодействия с современностью. СПб., 2002.

В.А. Прищепова

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В МАТЕРИАЛАХ МАЭ (ФОТОКОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ НАРОДОВЕДЕНИЯ: 1920–1930 гг.)

Со второй половины 1920-х годов МАЭ пытался восстановить разрушенную систему плановых экспедиций и пополнения коллекционного фонда музея. Но случались лишь единичные поездки по изучению культуры народов Средней Азии и Казахстана. Самый крупный вклад в эти годы внесла Среднеазиатская этнологическая экспедиция (1926–1929), которая работала под руководством И.И. Зарубина. За четыре года сотрудники экспедиции охватили огромную, но ограниченную рамками исследовательской тематики территорию. Многие народы региона в 1920-е гг., не оказавшиеся в поле зрения участников именно этой экспедиции, не были представлены в иллюстративном фонде музея (за исключением поступления единичных коллекций).

Поэтому особенное значение придавалось поступлению в музей тринадцати коллекций (МАЭ, коллекции И–1860, И–1861, И–1862, И–1863, И–1864, И–1865, И–1888, И–1889, И–1902, И–1903, И–1904, И–1905, И–1906) из бывшего Государственно-го Центрального музея народоведения Москвы (1924–1948) по этнографии и истории каракалпаков, казахов, киргизов, таджиков, туркмен и узбеков 1920–1930-х гг., которые существенного дополняли иллюстративные коллекции по народам региона.